

**ПРОТОИЕРЕИ ВЯЧЕСЛАВ САВИНЫХ
ИНОКИНЯ ХРИСТИНА (БУТКЕВИЧ)**

**К ВОПРОСУ О ПЕРВОЗДАННОМ ВИДЕ
СПАССКОГО СОБОРА
СПАСО-АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ**

«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

А.С. Пушкин

Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря, здание которого в данное время принадлежит Центральному музею древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, переживает очень ответственный момент своей истории. Отреставрированный в 60-е годы прошлого столетия, собор сильно обветшал и нуждается в серьезном поновлении. Идут разговоры о грядущих государственных субсидиях на его ремонт. Между тем время, прошедшее после реставрации, принесло множество новых сведений о соборе, которые необходимо учесть, чтобы продолжить начатую работу по его восстановлению в первозданном виде.

Но, к сожалению, эти сведения во многом остаются втуне, не принимаются теми, от кого может сегодня зависеть судьба здания собора – этой жемчужины русской духовной и художественной культуры и истории. Априори считается, что в 60-е годы прошлого столетия в деле изучения этого вопроса и его материального воплощения авторитетнейшими архитекторами-реставраторами под руководством Л.А. Давида (1914–1994) была поставлена верная точка.

На самом же деле так могло казаться лишь до тех пор, пока храм являлся чисто музейным объектом (а именно так и никак иначе представляли его дальнейшую судьбу восстанавливавшие его в 60-е годы прошлого столетия реставраторы). Но в начале 90-х годов в храме образовался приход и началась литургическая жизнь, то есть храм стал функционировать согласно своей исконной предназначенности, – ситуация стала меняться. Выяснилось, в частности, что в соборе нет соли, необходимой для богослужения, а стало быть, являющейся неотъемлемой частью храмово-

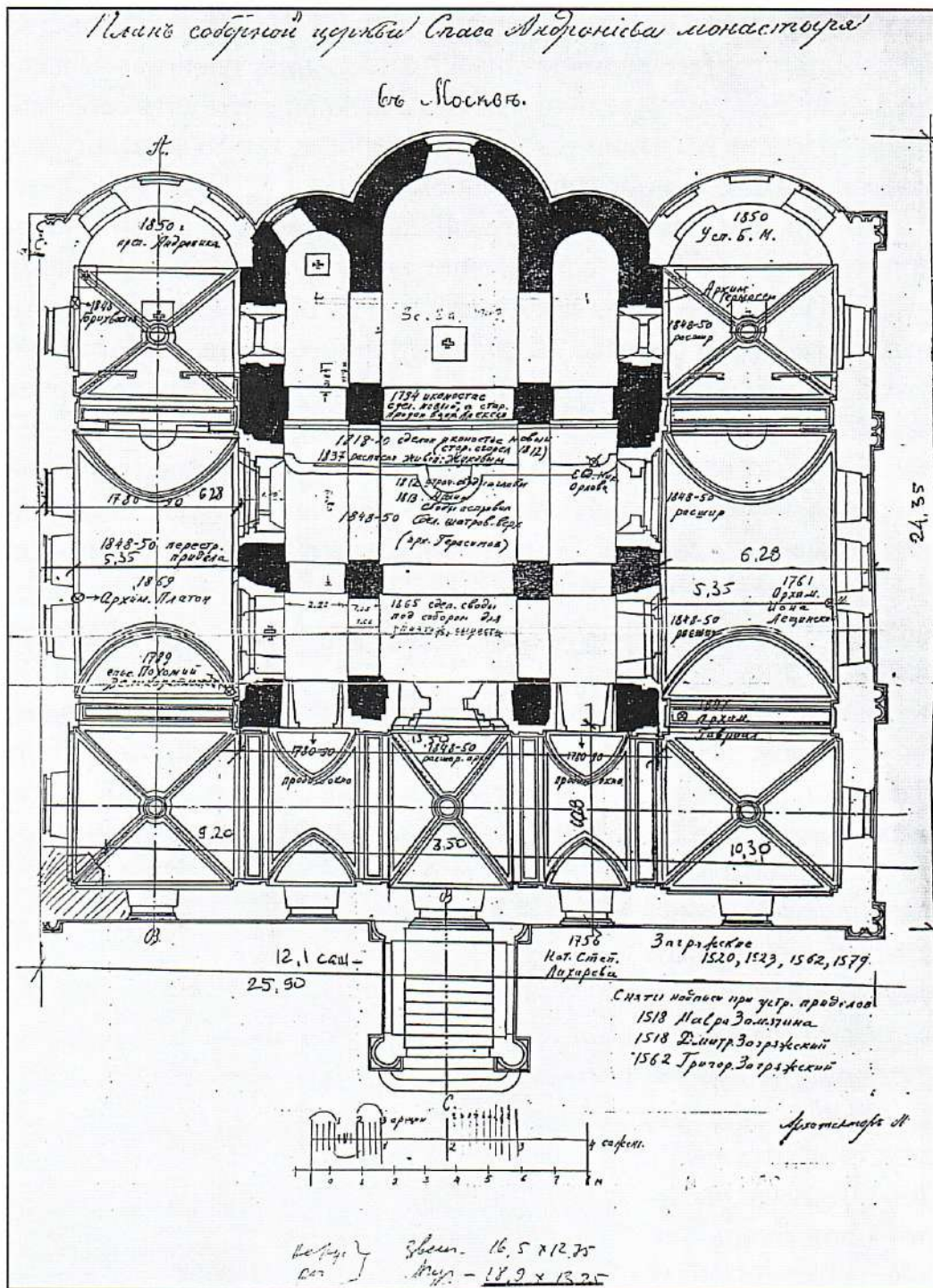
го интерьера; что ступени, ведущие в храм, как и все устройство лестницы, крайне неудобны для использования, значит, изначально вид их был иной (ведь немыслимо даже представить себе, что древнерусские архитекторы могли построить такую лестницу для собора, в котором постоянно шли службы).

Но это было только начало. Дальше в соборе стали происходить вещи, которые совершенно не укладывались в научные рамки. По просьбе прихода музеем в 1993 году в алтарной части начаты раскопки с целью выявления точного места Святого Престола, в результате которых были вскоре обнаружены, а вернее сказать, обретыены четыре иноческих погребения начала XV века со святыми мощами. О том, что это именно мощи, наглядно свидетельствовало сопутствовавшее обретению чудо благоухания, длившееся три дня, причем первым его ощутил производивший раскопки музейный работник. Гробовины, в которых находились мощи, сами являли чудо невероятной для такой давности сохранности.

Увы, последовавшие вскоре перипетии взаимоотношений между приходом, настаивавшим на скорейшем извлечении мощей из раскопа и на продолжении археологических исследований, и музеем вскоре выявили поразительное равнодушие, бюрократизм и прямое сопротивление проводимым работам руководства музея. И это при том, что спустя десять лет, в 2003 году, в раскопе произошло новое событие. Были обретыены мощи еще двух монахов того же времени, по поводу которых многочисленные ученые самых различных специальностей, проводившие исследования по инициа-

Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря

План соборной церкви Спасо-Андроникова монастыря. Конец XIX в.

тиве прихода (вопреки запретам администрации музея), пришли к единодушному заключению: со значительной долей вероятности они могут быть идентифицированы как мощи преподобных иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного! [1]

Заметим, что в хорошо известном плане погребений в соборе, выполненном П.А. Герасимовым в конце XIX века, с пометками на нем П.Д. Барановского (1892–1984), ни одно из этих захороне-

ний не обозначено, они никому не были известны и чудом открылись в процессе поиска места Святого Престола.

Раскоп обнажил часть кладки цоколя собора, вследствие чего было сделано еще одно открытие: его гладко обработанная поверхность внутри цокольной части наглядно свидетельствовала о том, что здесь было какое-то помещение, подклет и что засыпка его не изначальна. Да и странно было бы истолковать этот факт иначе: кто же станет строить высокий цоколь, обрабатывать его изнутри, чтобы тут же засыпать грунтом!

Тем не менее против этого очевидного факта сразу же выступили реставраторы собора, прежде всего Л.А. Давид. Комиссия, под его руководством спускавшаяся в раскоп, сделала весьма расплывчатое и ничем не обоснованное допущение, что хорошо обработанная кладка есть «вероятнее всего, край северо-восточного столпа четверика, его нижней, фундаментальной части» [2].

К сожалению, руководство музея, опираясь на авторитет теперь уже покойного реставратора, завещавшего своим ученикам и сподвижникам ни в коем случае не изменять в соборе ничего из воздвигнутого в 60-е годы, упорно и даже агрессивно сопротивляется любому слову о необходимости продолжать исследовательские работы в цоколе собора. Главный аргумент при этом – возможный вред целостности здания, хотя такое опасение многократно развеяно исследованиями авторитетнейших ученых, проводившимися в том числе и по запросам самого музея.

Естественно, что приход не может согласиться с существующим положением вещей. А посему мы дерзаем предложить читателю свое видение данного вопроса ввиду его насущной важности.

Для этого мы сочли целесообразным привести для сравнения мнения двух ученых: специалиста по древнерусской архитектуре И.С. Красовского (1936–2009) [3] и историка и искусствоведа М.А. Ильина (1903–1981) [4].

И.С. Красовский в своем исследовании анализирует архитектурную историю непосредственно интересующего нас в данном случае Спасского собора. Приведем вкратце его соображения по этому поводу и использованные им цитаты по рассматриваемому вопросу.

«В XIV – начале XV века Москва становится политическим и культурным центром Руси, что обязывает Московское княжество возводить каменные храмы, соответствующие его положению. Материальные же возможности довольно ограничены, поэтому постройки этого периода не поражают своими размерами...».

Красовский отмечает, что на сегодняшний день из большого количества построенных в этот период храмов сохранилось лишь четыре: Успенский собор на Городке в Звенигороде, Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре, Троицкий собор в Троице-Сергиевой лавре и Спасский собор в Москве; что наиболее древнее изображение Спасского собора мы можем видеть в миниатюрах из жития преподобного Сергия Радонежского XVI века. По этим миниатюрам можно судить лишь о том, что, по словам П.Н. Максимова, собор во времена преподобного имел вид «троечастного здания с более низкими угловыми частями, увенчанными двумя закомарами каждая, и более высокой средней. Каждая из этих частей увенчана луковичной главой».

Судя по хронологии приводимых Красовским древних изображений и текстов, на лубке начала XVIII века «Царствующий град Москва» впервые появляется изображение притвора в западной части. «Над притвором Спасского собора, – пишет ученый, – видна небольшая главка. Если учесть, что собор изображен с юга, то логично предположить такую же главку с северной стороны. Такие же главки над притвором мы видим в XIV в. в Троицком соборе в Пскове, реконструированном Н.Н. Ворониным».

«В 1744 г. архитектор Мичурин сообщает: «При оной же церкви [Спасском соборе] имеются круг фронтонов и шеи, и круг фундаментов, и в крыльцах, и в колокольне повреждения». Обращает на себя внимание, что колокольня подразумевается как неотъемлемая часть собора» [5].

«В 1749 г. 31 мая, после пожара 1748 г., в описи архитектора Семена Яковлева мы находим: «в паперти по стенам и по сводам имеются седины, оные надлежит починить кирпичем и починя оною паперть выбелить известью». Комментируя запись, Красовский указывает, что это первое упоминание собора с папертью.

Далее, в описи 1763 года упоминается, что соборная церковь с папертью «покрыта вся листовым железом, при ней каменная колокольня... При той церкви в паперти у западных дверей по левую сторону приделана каменная ризничная палата».

В выдержке из ведомости по ремонту ветхостей 1779 года говорится, что собору было выделено 500 рублей, на которые, в частности, надлежало «с северной стороны приделать паперть в один фасад с тою, которая окружает церковь с полуденной и западной стороны для помещения народа, собирающегося в праздничные дни к священнослужениям».

«Очевидно, — пишет И.С. Красовский, — в промежутке между 1763 и 1779 гг. к собору была пристроена паперть и с северной стороны. Таким образом, у собора теперь паперти с трех сторон».

«В 1845 г. Митрополит Московский и Коломенский Филарет пишет донесение от имени архимандрита монастыря Гавриила в Святейший Синод с просьбой

*Спасский собор. Западный фасад. 1848 г.
Реконструкция П.А. Герасимова*

«каменную галерею, имеющуюся с трех сторон соборной Спасской церкви... вновь переделать с устройением двух приделов: Успения Божией Матери на правой стороне и преподобного Андроника на левой стороне соборного алтаря». Архимандрит Спасо-Андроньевского монастыря Гавриил отмечает, что в «старой галерее ничего достопримечательного, кроме Образа Нерукотворного Спаса, не числится», потому что после бывшего в ней пожара в 1812 г. иконостас и иконы «устроены вновь». Однако с наружной стороны галереи были доски с указанием погребенных вне стен галереи. Гавриил предполагал, что «при разборке стен галереи и сводов и при вырытии канав для фундаментов, прахи усопших останутся неприкосновенными: каменные доски с высеченными надписями при перестроении галереи вставятся на свои места, но уже в новой стене».

«В 1846 г. 26 апреля император [Николай I] утвердил проект пристройки приделов... До начала строительства предполагалось выдать чертежи церкви в существующем виде, что и было сделано архитектором Л.С. Томашевским» [проект реконструкции Спасского собора выполнил архитектор П.А. Герасимов (1812–1869)].

«...В 1848–1850 гг. с запада, севера и юга к собору взамен существующих приделов пристроены новые – крытые. С востока к галереям возведены новые приделы...».

«Таким собор, только в полуразрушенном состоянии, дошел до середины 50-х годов нашего столетия».

Далее автор пишет о том, что Спасский собор венчал собою все поиски раннемосковского зодчества и что его нужно

рассматривать «в сравнении с памятниками владими́ро-суздальской архитектуры, служившими примером для московских зодчих».

Делая это сравнение, он отмечает, что Спасский собор отличается пирамидальность, устремленность всего объема вверх. При этом он цитирует Н.И. Брунова: «Арки под куполом расположены много выше сводов ветвей креста, образуя ступенчатые арки или, лучше сказать, ступенчатые своды. Угловые части собора значительно ниже ветвей креста, так что наружный объем здания имел пирамидальную форму».

«Ни один собор этого периода не был столь строен, как Спасский собор». При этом И.С. Красовский приводит мнение Н.И. Брунова о том, что килевидное очертание кокошников и закомар стен в постройках раннемосковского зодчества перешло к нам из готической архитектуры.

Автор замечает, что для всех построек раннемосковской архитектуры характерен высокий цоколь, «что делает небольшие по размерам здания более монументальными».

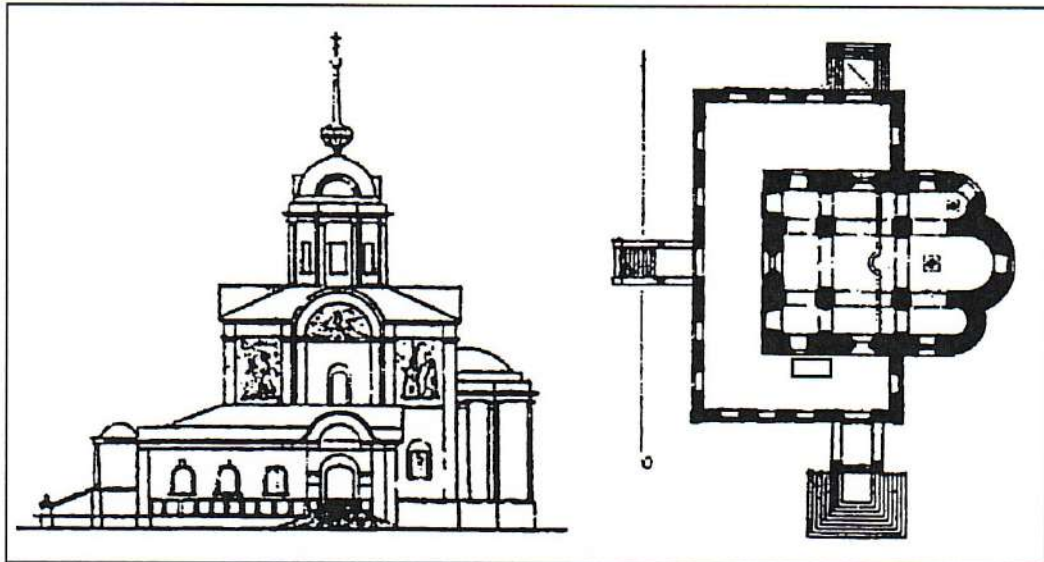
«Вопрос о том, когда возник западный притвор, пока открыт. Во время раскопок были обнаружены под ним белокаменные фундаменты, однако неизвестно, когда они были заложены. Для уточнения даты их заложения необходимы новые археологические раскопки. Мы придерживаемся мнения, что это было между 1427 и

*Вид Спасского собора
в начале 1930-х гг.*

1499 гг., ибо еще в 1413 году возник западный притвор у Троицкого собора в Пскове, а в 1499 году были обнаружены захоронения за пределами притвора Спасского собора, следовательно, в этом году он уже существовал».

В 1956 году собор реконструировали на конец XIX века. Но к 600-летию Андрея Рублева реставрационные работы развернулись с новой силой. Как пишет Красовский, в первоначальном варианте реконструкции оставались без изменения галереи XIX века. С точки

*Спасский собор. Южный фасад и план. 1840 г.
Реконструкция Л. Томашевского*

зрения последнего, это было шагом назад по сравнению с реконструкциями П.Н. Максимова и Б.А. Огнева, у которых этих боковых частей не было.

Но в процессе разборки было обнаружено много элементов древнего собора, подлинных деталей, что потребовало новой реставрации.

«Было установлено, что все здание поставлено на высокий полутораметровый подиум».

Подытоживая все сказанное, И.С. Красовский приходит к ряду выводов, из которых особенно интересны следующие:

– первоначальный этап строительства собора в первой четверти XV века «соответствует реставрации Л.А. Давида с поправкой на высоту главы»;

– в середине XV века добавился западный притвор с двумя главками. «Возможно в это же время к собору была пристроена и колокольня с каменным четвериком и деревянным верхом», который в начале XVI – середине XVII века меняется на каменный с главой и крестом;

– в конце XVII века на старом фундаменте строится новая колокольня с шатровым верхом и часами;

– после 1763 года к собору пристраивается южная галерея;

– в 1779 году пристраивается северная галерея;

– в конце XVIII века разбирается шатровая колокольня и застраивается южный придел на ее месте;

– в 1848–1850 годах возводятся новые галереи. Строятся два придела.

*Успенский собор в Коломне.
Реконструкция Н.Н. Воронина*

Остановимся на выводах И.С. Красовского пока без собственных комментариев и обратимся к другому автору, М.А. Ильину. Заметим, что его исследование, подытоженное в книге, изданной в середине 70-х годов, было проведено и опубликовано еще в 60-е годы, то есть во время реставрации Спасского собора под руководством Л.А. Давида, Б.Л. Альтшуллера и С.С. Подъяпольского. И хотя интересующий нас фрагмент монографии посвящен анализу другого храма – не дошедшего до нас Успенского собора Коломенского Кремля, построенного великим князем Дмитрием Донским в 1379–1381 годах в честь побед на реке Воже и на Куликовом поле, он имеет самое непосредственное отношение к нашему вопросу.

«В трудах по древнерусскому искусству, – пишет М.А. Ильин, – до сих пор удерживается негласное мнение о скромном масштабе строительной деятельности на территории Московского великого княжества во второй половине XIV – начале XV века. Это суждение возникло лишь потому, что большинство построенных за это время зданий не сохранилось. Но стоит перечислить летописные известия, посвященные тем или иным постройкам, дополнив их сведениями из других источников, как картина резко изменится».

При этом, что характерно, ученый полемизирует с тем же Б.Л. Альтшуллером, указывая на слишком большую прямолинейность его суждений, на игнорирование им сведений из литературных источников.

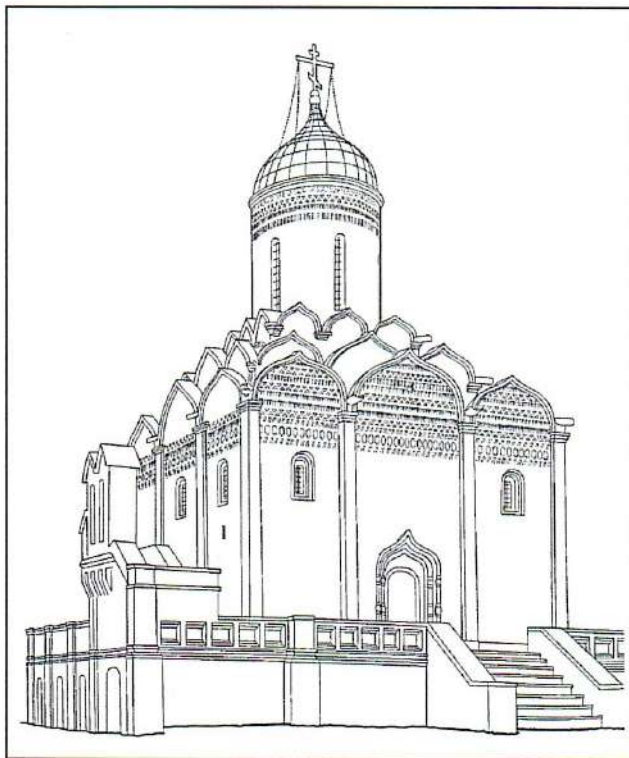
Ссылаясь, в частности, на исследования Н.Н. Воронина, внимательно изучившего как мемуары, так и результаты археологических раскопок, он отмечает, что именно к этой группе относился не дошедший до нашего времени в первоизданном виде Успенский собор в Коломне, выстроенный великим князем Дмитрием Донским во второй половине XIV века.

Ссылаясь на мнение А.И. Некрасова, Ильин говорит о связи Коломенского Успенского собора с Благовещенским собором Кремля в Москве, построенным в 1404 году.

«Собор, по словам наблюдательного сирийского путешественника, произвел на него большое впечатление своей величественностью и высотой. Этому впечатлению немало способствовал цокольный этаж – подклет, где размещались «склепы и подвалы». Именно благодаря подклету церковь была приподнята на значительную высоту. Тот же подклет придавал собору вид «как бы висячего».

Далее М.А. Ильин обращается к тексту Павла Алеппского (архидиакон Антиохийской церкви, писатель и путешественник XVII века). Собор, по словам Ильина, имел для входа одну лестницу, которая, естественно, должна была располагаться на западной стороне. «Слова же о возможности входа в церковь «с трех сторон, соответственно трем дверям» следует понимать как указание на специфические особенности построения подклета, то есть подклета, имевшего гульбище, с которого можно было войти внутрь храма через трое дверей – западные, южные и северные».

На основании этого М.А. Ильин приходит к единственно правильному и чрезвычайно важному для нас заключению о том, что «определение Павлом Алеппским вида храма «как бы висячего»

*Рождественский собор
Ферапонтова монастыря. 1490-е гг.
Реконструкция К.К. Романова*

могло возникнуть лишь при наличии гупбища на аркадах, так как обработки высокого цоколя-подклета ложными арками древнерусское зодчество не знало».

И далее: «Хорошо известно, что любовь к таким гупбищам-террасам, на которые зрительно как бы становилось здание и где даже разбивались «висячие сады», прочно утвердилась в последующей московской архитектуре».

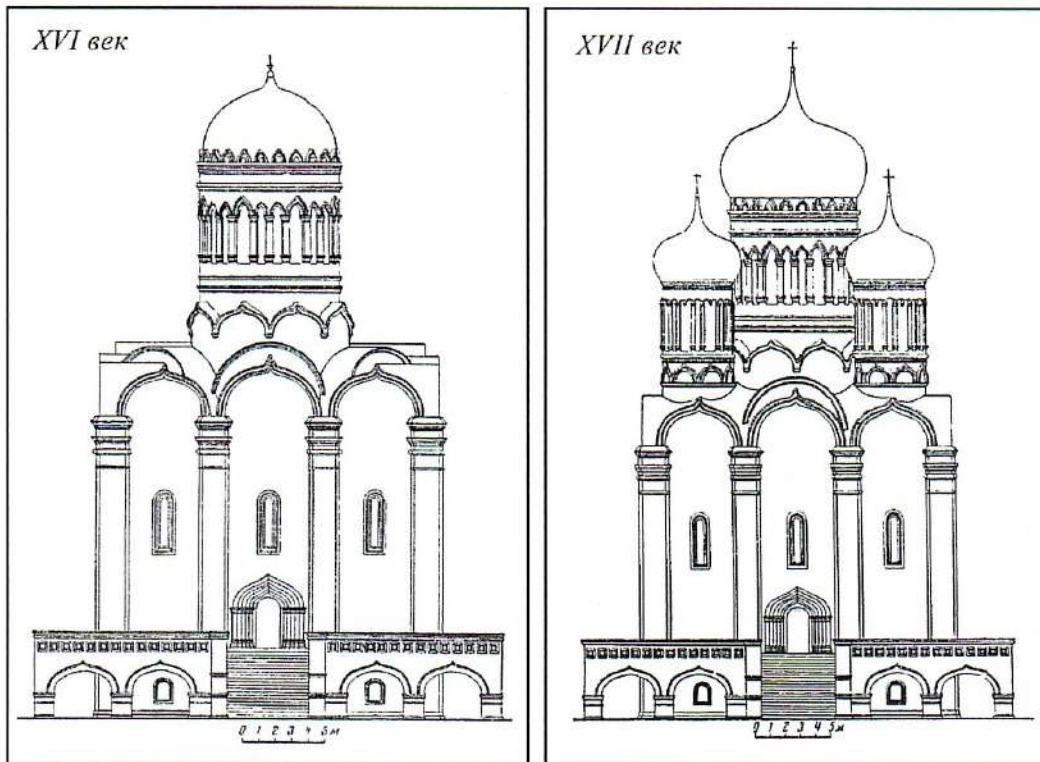
М.А. Ильин приводит для подтверждения своей мысли целый ряд

убедительных примеров храмов, дошедших до нашего времени, близких по своим формам к собору Коломны.

Это собор Новоспасского монастыря (1491–1496 гг.), имевший подклет с гупбищем с аркадами на столбах-колоннах; собор Ферапонтова монастыря 1490 года, имевший, как и Коломенский собор, гупбище и одну западную лестницу; сооруженный в XVI веке Успенский собор Симонова монастыря с аркадами и гупбищем, который, по мнению П.Н. Максимова, повторил своей архитектурой более древний храм 1379–1404 годов.

Ильин делает предположение, что «появление в храмах Твери и Москвы конца XIII – начала XIV веков высоко поднятых полов с высокими же открытыми лестницами было, надо думать, обусловлено желанием усилить впечатление величественности от этих не таких уж и больших, даже скромных, зданий».

Напомним, что это было время, когда, с одной стороны, Москва и Тверь соперничали между собою за право быть главным городом Руси; с другой стороны, у Руси, страдавшей под монголо-татарским игом, не было средств на строительство больших храмов (что, как известно, способствовало большему духовному осмыслению архитектурной формы, приобретению последней более глубокого внутреннего содержания).

*Реконструкция западного фасада Успенского собора Симонова монастыря
в Москве в XVI и XVII вв. Реконструкция П.Н. Максимова*

Успенский собор Симонова монастыря. Общий вид. 1834 г.

«Помимо этого тверской и московский храмы были соборами, приспособленными для погребения князей и епископов. Высокие полы перекрывали своего рода подклеты, где размещались сами погребения. Естественно, что рано или поздно эта маскировка должна была отпасть, будучи замененной настоящим подклетом, отчетливо видимым снаружи. Собор Коломны, по-видимому, был

*Церковь Покрова на реке Нерль.
Современный вид и реконструкция Н.Н. Воронина*

одним из первых, если не первым, где подклет обрел самостоятельный архитектурный облик».

Далее автор делает весьма существенное замечание: «Уже одна эта деталь вносила во внешний вид Успенского собора Коломны такие черты, которые делали его непохожим на предшествующие сооружения, в частности на памятники Владимира-Суздаля, связь с которыми так любят подчеркивать исследователи».

«Подклет как бы возносил основной объем храма. Он увеличивал фактически и зрительно общую высоту сооружения, придавал зданию величественный облик. Такое композиционное построение не требовало каких-то крупных, осложняющих общее объемное построение храма частей в виде башен, приделов, притворов. Более того, они просто были здесь излишни. Подклет с гульбищем на арках делал храм похожим на своего рода ступенчатую пирамиду (подклет с гульбищем, объем храма, венчающая глава). Такое построение находило себе гармоническое соответствие в ступенчато-пирамидальном завершении храма в виде ярусов закомар и кокошников».

Добавим от себя, что именно Спасский собор, как, наверное, никакой другой, максимально соответствует этой идее благодаря своей сложно разработанной, певуче-пирамидальной системе закомар и кокошников, делающей силуэт этого храма уникальным в ряду других дошедших до нас древнерусских храмов.

«Появление подклета с наружным открытым или закрытым гульбищем на аркадах и высокой лестницей (или лестницами, ведь не везде была лишь одна лестница у западного входа) заставило зодчих показать, если так можно выразиться, «чистый» объем храма, обретший теперь полную законченность своей формы, в то время как во Владимире-Суздале он был виден лишь в верхних своих частях, возвышаясь над притворами, галереями и верхами лестничных башен».

М.А. Ильин вместе с тем замечает, что аркадная форма гульбища, характерная для московской школы зодчества, имеет восприимчивость по отношению к владими́ро-суздальской архитектуре, поскольку аркадные гульбища имели изначально церковь Покрова на Нерли и Дмитровский собор города Владимира.

Но при этом ученый убедительно подчеркивает образную разницу храмов московского и владими́ро-суздальского зодчества. Он говорит о том, что характерный для той же Коломны принцип «вознесения» храма отсутствовал в последних и «проявил себя, что знаменательно, в храмах конца XIII – начала XIV веков, находившихся вне пределов Владимиро-Суздальской земли».

Далее, что весьма важно для нашей темы, автор прослеживает непосредственную связь между архитектурой древнего Успенского собора Коломны и Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря на примере купольного покрытия. Смысл его рассуждений состоит в том, что именно в Спасском соборе «с редким совершенством разработано такое центрическое построение

Дмитровский собор во Владимире. Вид в 1831 г. и современный вид

башнеобразного завершения, которое без всяких натяжек может быть полностью сохранено при наличии боковых глав на восточных углах храма».

Создавая словесную реконструкцию Коломенского Успенского собора, Ильин вплотную подходит к собирательному образу храма древнемосковского зодчества, имеющего самое непосредственное отношение к архитектуре Спасского собора: «Собор в Коломне представляется снаружи довольно правильным объемом со стенами, расчлененными вертикально на три деления — прясла. Он стоял на аркадном (или глухом) подклете с гульбищем (возможно, крытым), на которое с западной стороны вела одна открытая пирамидальная лестница... Поскольку угловые деления были понижены, центральное средокрестие, увенчанное главой, выделялось особенно сильно, что достигалось и высоким постаментом, обработанным кокошником наподобие верха собора Андроникова монастыря. Примерно такие же декоративные формы и детали украшали боковые главы, стоявшие на восточных углах храма. Внутри он имел четыре столба, ... и повышенное ступенчатое построение подкупольных сводов и арок».

М.А. Ильин, ссылаясь на мнение известного археолога, архитектора и реставратора Н.Н. Воронина (1904–1976), говорит о «критическом отношении к владимирским образцам мастеров Дмитрия Донского... Лишь неверное ... понимание роли традиции и национального своеобразия архитектуры заставило исследователей утверждать прочность владими́ро-суздальского наследия в культурном и политическом развитии Московского княжества» [6].

Ильин рассматривает древний Успенский собор в Коломне как продолжение и развитие именно московской традиции каменного зодчества, отмечая, что «мастера Дмитрия Донского не только воспользовались тем, что давали им московские соборы начала XIV века, но и значительно усовершенствовали намечавшиеся в них приемы, положив начало дальнейшему развитию московской архитектуры».

Таким образом, исходя из сказанного М.А. Ильиным, представляющегося нам весьма убедительным, возникает серьезное основание полагать, что ставший для нас привычным стереотип древнерусского храма простой кубической формы, как бы вырастающей из земли своим высоким цоколем-основанием, неверен. Он оказывается усеченной, как бы обрубленной с боков частью существовавшей в древности сложной архитектурной компози-

Вид Спасского собора в конце 1930-х гг.

ции, образованной подклетом и окружающим его гульбищем на аркадах. Для нас нет сомнения в том, что именно так, в частности, выглядел и Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. На таких гульбищах мог разбиваться висячий сад, устраиваться звонница и другие сооружения. На гульбище вели широкие лестницы – одна или три. На этом основании, как на мощном стилобате, возвышался основной ярус – удлиненное тело храма простой кубической формы, завершавшееся сложным ажурным узором закомар и кокошников, которые заканчивались куполом. Все вместе это создавало стройный пирамидальный силуэт, который дополнялся оформлением подножия храма, как правило, строившегося на возвышении.

При этом общем решении, как указывает М.А. Ильин, сравнивая владими́ро-суздальское и московское зодчество, одни и те же составляющие конструкции могут создавать различный образ храма.

Все это вполне согласуется с теми литературными источниками, которые приводит И.С. Красовский а существующие противоречия устраняются. Судите сами.

По мнению Красовского, первой пристройкой к собору, изначально имевшему тот вид, в котором его реставрировал Л.А. Давид, был западный притвор с двумя главками. Сразу же возникает вопрос: куда в таком случае девалась западная лестница,

если она, согласно реставрации Л.А. Давида, почти вплотную подходила к portalу и отделялась от него узенькой площадкой? Если же ее разрушили и построили другую, значительно выступающую вперед на ширину придела, тогда как эта новая лестница сочеталась с двумя другими? Второе серьезное сомнение – по поводу колокольни, о которой И.С. Красовский в одном месте пишет, что она воспринималась явно как часть самого храма, в другом – что когда она была разобрана, ее место застроилось южным приделом. Из этого следует сделать вывод о том, что она была пристроена вплотную к телу самого храма, но возможно ли это? Вы только представьте себе: если верить мнению Красовского о внешнем виде колокольни, то как совместить тщательно продуманную архитектуру храма с его великолепным навершием из закомар и кокошников с совершенно нелепым в этом случае сооружением колокольни с деревянным верхом? Эти два здания никак не сочетаются между собой и не могли стать единым архитектурным целым. Другое дело, если существовало гульбище, которое зрительно отделяло два здания и в то же время соединяло их в единый комплекс.

Ссылаясь на опись Семена Яковлева от 31 мая 1749 года после пожара 1748 года, Красовский говорит, что это – первое упоминание о паперти вокруг собора. Но из этого отнюдь не следует, во-первых, что ее не могло быть раньше, поскольку речь в документе идет не об описании архитектурного облика здания, а о повреждениях, которые необходимо устранить, а во-вторых, что вокруг храма не существовало гульбища или же не оставалась хотя бы его часть. В любом случае наличие гульбища, его фундамента создавало как бы своеобразную матрицу для всех позднейших пристроек вокруг храма.

Аналогично этому из упомянутого ранее текста ведомостей 1779 года может следовать лишь то, что либо гульбище с северной стороны к тому времени, что вполне возможно, развалилось, либо речь шла о том, чтобы построить паперть на гульбище, как это и было, судя по всему, сделано в свое время с западной и южной сторон.

С этим вполне согласуется процитированное предложение архимандрита Гавриила вновь переделать «каменную галерею, имеющуюся с трех сторон соборной Спасской церкви». Таким образом, вырисовывается вполне логичная и закономерная историческая трансформация этой важной архитектурной составляющей храма соответственно условиям бытования собора.

Изначально это было широкое гульбище, создававшее удивительно выразительный, в данном случае совершенно уникальный образ храма, относительно небольшого по размеру, но величественного и стройного, как бы возносящегося ввысь.

Совсем иная ситуация складывается к середине XVIII века, когда на гульбище (или же на оставшемся от него фундаменте) возникает крытая паперть. Теперь в собор, оказавшийся в черте города, собирается множество народа и его изначальный объем оказывается уже недостаточным. Более того, в отличие от XV века этот собор давно не является образным выразителем идеалов своего времени, он для этого давно уже «устарел» – речь теперь идет о приспособлении его к новым нуждам и, по возможности, к новым вкусам общества.

Наконец, в середине XIX века возникает необходимость не только в размещении здесь достаточного количества народа, но и в рациональном использовании площади, ибо для бедного монастыря гораздо выгоднее переделать существующее помещение обветшалой паперти под придел, нежели строить новую церковь. Тем более, что речь шла о приделе в честь преподобного Андроника, строителя и первого игумена монастыря, чьи святые мощи в купе с мощами его ученика и восприемника Саввы хранились в это время в соборе.

Вследствие многочисленных и чрезвычайно серьезных исторических потерь, кардинального изменения вкусов общества древний собор совершенно утратил свой прежний облик. Сохранившаяся часть здания была заточена в глубине позднейших наслоений; память о его изначальном облике затерялась настолько, что он так и не был во всей своей красе открыт реставраторами, восстанавливавшими собор в 60-е годы прошлого века.

В чем безусловно прав И.С. Красовский, так это в том, что начатые в 1980-х годах раскопки вокруг Спасского собора следует продолжать до полного выявления первоначальной формы собора.

Вполне очевидно, что обнаруженные белокаменные фундаменты с северной стороны собора есть часть основания древнего гульбища, параметры которого оставались как бы матрицей для всех последующих построений. Поэтому приведенный Красовским план собора с приделами, выполненный Л. Томашевским в 1840 году, накануне реконструкции, мы без натяжки можем воспринимать и как план собора с гульбищем (исключая лестницы).

Интересен такой факт: если внимательно присмотреться к архитектуре Спасского собора в том виде, в каком она существует сегодня, становится отчетливо видно, что внешние полуколонки портала и другие архитектурные детали декора стен своим основанием ни на что не опираются, они как бы висят в воздухе. Напрашивается мысль, что в древности они, безусловно, должны были иметь такую опору, каковой, очевидно, и являлось утраченное гульбище.

*Белокаменные фундаменты с северной стороны Спасского собора.
Первый молебен 17 июля 1989 г.*

В связи со всем сказанным для нас нет сомнения в том, что грядущий ремонт должен восстановить исторический облик прославленного собора во всей его полноте. Тем самым должна быть логически продолжена начатая в 50-е годы прошлого столетия работа по реконструкции и реставрации этого уникального храма. Поскольку с юга и севера ныне существующего здания находились святые престолы, служилась литургия, требуется оградить это место надлежащим образом.

Восстановление галерей послужит и увеличению прочности собора. Здесь примером может стать тот же Дмитровский собор во Владимире, возведенный в конце 90-х годов XII века. Он с трех сторон был окружен галереями шириной около трех метров (причем северная галерея была построена одновременно с возведением стен собора) [7]. В 1838 году галереи, игравшие роль контрфорсов, были снесены, после чего собор начал разрушаться. С течением времени лопнуло железное кольцо в основании барабана, были обнаружены трещины в юго-западном углу здания.

В случае же со Спасским собором речь должна идти, конечно, не только о самом гульбище как таковом, но в целом о судьбе цокольной части здания, включающей и гульбище, и органично связанный с ним подклет (нынешняя цокольная часть храма). Вполне очевидно, что все сказанное Павлом Алеппским о подклете Успенского собора в Коломне можно было бы в полной мере отнести и к Спасскому собору. А коль скоро это так, крайне необходимо полностью расчистить подклет от засыпки и провести исследование того, что будет при этом обнаружено. Сейчас не приходится даже гадать, какие еще тайны хранит в своих недрах этот собор!

Но в целом представляется глубоко уместным и благочестивым устройство здесь усыпальницы тех лиц, чей прах был погребен под сводами собора, включая существовавшие здесь приделы. Следует самым тщательным образом продумать место входа в подклет с улицы. Стены подклета изнутри, как нам думается, не нужно штукатурить, а стоит сохранить в первоизданном виде, тщательно прочеканив швы между блоками, как уже сделано в той части цоколя, где они обнажены раскопом. Это выглядит очень красиво и естественно: вполне очевидно, что именно так и было в древности, поскольку мы видим хорошо обработанный камень и никаких следов штукатурки. Здесь же могут быть помещены и памятные плиты о погребении известных лиц за стенами собора.

Важнейшей частью усыпальницы должны стать обретенные под алтарем собора святые мощи. Необходимо не только поместить их здесь, в подклете, но и развернуть экспозицию с подробным описанием всей истории их обретения, действующих лиц. Достаточно вспомнить, что в раскоп под алтарем Спасского собора 4 января 1994 года спускался Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, чтобы увидеть эти святые мощи. Он, кстати сказать, очень внимательно следил за происходящими здесь событиями, именно по его благословению мощи были извлечены из раскопа, помещены в ковчеги и перенесены в алтарь собора. Наконец, здесь может быть устроена и небольшая церковь, посвященная преподобным Андрею и Даниилу.

Заканчивая нашу небольшую работу, хотелось бы сказать несколько слов по поводу идеи о заимствовании древнерусской архитектурой из готики килевидных закомар и кокошников. Наши ученые очень уж любят безответственно кидаться такого рода предположениями, не давая себе труда более или менее серьезно их обдумать. Но если внимательно рассмотреть абрисы архитектурных элементов и декора готических соборов и сравнить их с древнерусскими, нетрудно убедиться, что в готике получила повсеместное развитие не килевидная, а стрельчатая арка, заимствованная западно-европейской архитектурой из арабского мира и играющая чрезвычайно важную конструктивную роль. Килевидные же арки как в европейской, так и в арабской культуре не имели большого распространения, тем более что они в принципе не конструктивные.

Зато в древнерусской архитектуре килевидная арка получила широкое применение именно как элемент декора, очень важный при общей образной строгости этого искусства в XV веке, для создания впечатления нарядности и праздничности храмовой архитектуры XVI–XVII веков.

Да собственно у русских мастеров и не было никакого повода обращаться к готике для решения своих образно-художественных задач.

«Западные народы, духовно незрелые, – пишет святитель Иоанн Рижский, – восприняли Тайну христианства хотя и сильно, вплоть до «святой влюбленности», но восприняли внешне, извне... А «Вся слава Дщери Царевы внутри», – говорит пророк (Пс. 44, 14). Готика – это... тоска, это крик души, взыскующей внутреннего. Готика – это голод души, это тощие руки мольбы, простертые ввысь, ищущие «там», чего нет «здесь», на земле».

*Предполагаемый изначальный вид Спасского собора с гульбищем.
3D реконструкция В.В. Шурова*

Готический собор – гигантская каменная масса, пригвожденная к земле и усеянная судорожно тянущимися к небу тонкими и хрупкими пинаклями; в облике древнерусских храмов видится совершенно иное: спокойно-величественная, исполненная небесной гармонии вознесенность, как бы парение над миром, плавный переход стройного тулова здания в певучую систему закомар и кокошников, увенчанную надежным шлемом-куполом со крестом. Основа этого образа исходит из недр нашей православной культуры, гармоничной и возвышенной, ничего общего не имеющей с готической надрывной экзальтацией.

Общеизвестно, что скромная величина древнерусских храмов была, в частности, связана с недостатком средств на строительство больших зданий. Но древнерусскому храму для выражения полнокровного художественного образа вовсе и не нужно быть гигантом. Совсем небольшой по размеру, расположенный на возвышении-гульбище, он своими пропорциями рождает отдаленную ассоциацию с античным Фаросским маяком. Он и был таким маяком для людей среди бушующего житейского океана.

С силуэтами древнемосковских храмов в чем-то перекликаются даже советские «небоскребы» сталинской эпохи (в образе которых, кстати сказать, часто усматривают влияние готики), быть может, не столько формой, сколько самой идеей величественной устремленности ввысь. Тут можно, наверное, говорить о некоей преемственности внутри культуры, корни которой – именно в отечественном менталитете. Корни, сохранявшиеся даже в самое, казалось бы, безбожное время как мечта, как эстетический идеал. Поэтому так важно восстановить в первоизданном виде древнейший храм столицы – Спасский собор, воплотивший в себе подлинность, глубину и красоту нашей Православной веры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Желающих более подробно познакомиться с этими событиями мы адресуем к монографии инокини Христины (Буткевич) «Бог поругаем не бывает». – М., 2016.
2. Инокания Христина (Буткевич). Указ. соч. С. 43.
3. Красовский И.С. Архитектурный ансамбль Спасо-Андроникова монастыря. – М., 2005.
4. Ильин М.А. Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. – М.: Искусство, 1976.
5. Цит. по кн.: Орехов Д.С. Русские святые XX столетия. – СПб., 2000. С. 167-168.
6. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1 и 2. – М., 1961–1962.
7. Строганов С.Г. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. Строен от 1194-го до 1197-го года. – М., 1849.